

**ИСТОРИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТЫ
ЗАРОЖДЕНИЯ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ В САМАРЕ
(К 390-ЛЕТИЮ САМАРСКОЙ РУКОПИСИ)**

© 2020 А.И. Макаров

Издательство «Пашков дом» Российской государственной библиотеки, г. Москва

Статья поступила в редакцию 08.06.2020

В статье рассказывается об обстоятельствах создания в Самаре в 1628-1629 гг. интереснейшего литературного памятника – лицевого рукописного сборника, включающего списки «Повести о Варлааме и Иоасафе» и «Жития Нифонта Констанцкого». В тысячелетней рукописной традиции этих произведений церковной письменности самарские списки представляют собой во многих отношениях уникальные образцы. Появление рукописи связано с событиями окончания Смутного времени на Руси – реализацией Деулинского перемирия 1618 г., а также с придворными коллизиями первых лет правления царя Михаила Федоровича, с боярами Салтыковыми. Создание Самарской рукописи ознаменовало зарождение книжной культуры в Самаре – событие, которому ныне исполняется 390 лет.

Ключевые слова: Самарская рукопись, Смутное время, Деулинское перемирие, бояре Салтыковы, Самара, книжная культура.

DOI: 10.37313/2658-4816-2020-2-2-3-15

В 2018-2019 гг. исполнилось 390 лет со времени создания, в 1628-1629 гг., в волжском городе Самаре выдающегося в своем роде и совершенно уникального для самой Самары литературного памятника – лицевого рукописного сборника. Он включает 4 текста: списки двух известных произведений средневековой церковной литературы – «Повести о Варлааме и Иоасафе» и «Жития Нифонта Констанцкого», текст церковной службы преподобным Варлааму и Иоасафу, предисловие самарского писца, – а также 395 прекрасно исполненных цветных иллюстраций – книжных миниатюр. Самарская рукопись и историко-культурный контекст ее создания интересны во многих отношениях.

Представленные в сборнике произведения – «Повесть о Варлааме и Иоасафе» и «Житие Нифонта Констанцкого» относятся к агиографическому жанру христианской литературы. В «Повести...» рассказывается

*Макаров Андрей Игоревич, ведущий редактор.
E-mail: a.makarov_03@mail.ru*

об обращении в христианство, несмотря на все препятствия, пустынноиком Варлаамом язычника царевича Иоасафа, который затем обратился ко Христу и свой народ и, сложив с себя унаследованную царскую власть, ушел отшельником в пустыню. Исследователи выделяют это произведение среди других житий святых и по большому объему, и по содержанию. По их мнению, «Повесть...» относится не столько к житию, сколько к жанру средневекового романа, в котором рассказывается о восхождении человека от языческих заблуждений ко Христу, – со всеми атрибутами этого жанра: многослойностью сюжета, различными коллизиями. При этом в «Повести...» богословски точно формулируются догматические положения христианского вероучения. Появившаяся, вероятно, в Центральной Азии в VI-VIII вв., «Повесть...» уже с конца I тысячелетия была исключительно популярна во всем христианском мире, как на Востоке, так и на Западе. Произведение известно в огромном числе переводов и переработок более чем

на 30 языках народов Азии, Европы и Африки. Отдельные притчи из «Повести...» с толкованиями к ним были включены в церковные сборники или перешли в другие литературные произведения.

Древнейший славянский перевод «Повести...» выполнен с греческого не ранее середины XI в., вероятно, в Киеве. Много лет посвятившая исследованию «Повести...» И.Н. Лебедева (1932-2013) высказывала мнение, что в Киев греческий перевод «Повести...», который был сделан на Афоне с грузинского оригинала, мог привезти не позднее начала 1030-х гг. паломничавший на Афон преподобный Антоний Печерский, основатель Киево-Печерского монастыря и вообще русского монашества (одним из доводов этого предположения является то, что преподобный Антоний первым игуменом Киево-Печерского монастыря поставил своего ученика с монашеским именем Варлаам). С XII в. этот древнейший славянский перевод «Повести...» активно использовался при формировании русской редакции Пролога. Ряд притч из «Повести...» вошел в состав четых сборников «Златая цепь», «Измарагд». Не позднее конца XV в. на Руси была создана более краткая, так называемая Афанасиевская, редакция текста, вошедшая в XVI в. в Великие Минеи Четьи. В XVI в. сюжеты из «Повести...» использовали в своих произведениях царь Иван IV Грозный, инок Зиновий Отенский. В конце XVII в. на основе текста в Великих Минеях Четых особую редакцию «Повести...», приближенную к нормам агиографического жанра, составил святитель Димитрий Ростовский. Существуют также сербская (XIII в.) и болгарская (созданная на Афоне не позднее рубежа XIII-XIV вв.) редакции славянского перевода «Повести...»¹. Самарская рукопись представляет собой список болгарской редакции. Сюжеты «Повести...» использовались классиками европейских литератур, в т.ч. и русской литературы². Известный русский подвижник XIX в. святитель Феофан Затворник оценивал «Повесть...» как лучшую книгу для познания христианской веры и жизни³.

Второе входящее в самарский сборник произведение – «Житие Нифонта Констанцкого» – повествует о человеке по имени Нифонт, который в юности вел разгульный греховный образ жизни, но с Божией помощью преодолел свои страсти, смог бороться с силой бесов, в конце жизни стал епископом города Констанции на Кипре. Греческий текст Жития, по мнению специалистов, написан в X-XI вв. Житие Нифонта пользовалось большой популярностью, однако память Нифонта не была включена в официальные византийские синаксари. Славянский перевод Жития был выполнен уже в XI в. и вскоре оказался в Киеве, один из сюжетов Жития (Повесть о милостивом Созомене) был включен в Изборник Святослава 1076 г. Древнейшая из сохранившихся рукописей полного славянского перевода Жития была переписана в Ростове в 1219 г. (в скриптории епископа Ростовского Кирилла I, при князе Васильке Константиновиче), вторая полная версия перевода появилась в XVII в. без повторного обращения к оригиналу. На русской почве возникла краткая версия Жития, древнейшая рукопись которого датируется концом XII в. Отрывки из Жития включены в состав «Златоуста», «Измарагда», Пролога, Великих Миней Четых⁴.

Для истории и культуры Самары, основанной в 1586 г., в которой не сохранилось памятников старше середины XIX в., манускрипт, выполненный через 40 лет после закладки города, уникален прежде всего своей древностью. Фиксация и изучение любых дополнительных сведений первых десятилетий XVII в. – начала истории Самары и всего региона – очень ценны.

Саму самарскую рукопись, поскольку она была создана до реформ патриарха Никона, следует считать памятником древнерусской литературы. На сегодняшний день она имеет статус самой первой выполненной в городе книги и второй по древности из известных пребывавших в Самаре книг (сохранилась печатная Минея, вложенная в 1625 г. в один из самарских монастырей). При этом предисловие к рукописи представ-

ляет собой первый литературный авторский текст, написанный в Самаре (остальные тексты рукописи являются списками).

Самарский манускрипт уникален своими иллюстрациями.

Кроме того, самарская рукопись представляет интерес своей включенностью в контекст общероссийской истории. Ее создание было связано с коллизиями вокруг боярина Бориса Михайловича Салтыкова (вероятно, 1580-е – 26.07.1646), близкого человека первому царю из династии Романовых, Михаилу Федоровичу (1596-1645; царствовал в 1613-1645), видного сановника начального периода правления этого монарха. Косвенно на начало литературной деятельности в Самаре повлияли, как это ни удивительно, события, имевшие место десятилетием раньше, – заключение в декабре 1618 г. Деулинского перемирия между Россией и Речью Посполитой и последующая реализация его условий. Эти события, которым ныне исполняется 400 лет, по мнению многих историков, маркируют окончание Смутного времени – периода потрясения основ государственного и общественного устройства России, длившегося более десятилетия.

Борис Михайлович Салтыков, с которым связывается создание в Самаре рукописи, статус приближенного к царю Михаилу Федоровичу влиятельного сановника приобрел благодаря своим родственным связям с царской семьей. По отцовской линии, по роду Салтыковых, он происходил из старомосковского боярства (Салтыковы являются отраслью рода Морозовых, известного с XIV в.). Но близость к царю была обусловлена родственными узами со стороны его матери, Екатерины Андреевны, урожденной Михалковой, в монашестве Евникии (сер. XVI в. – возможно, после 1630). Она по роду Шестовых приходилась троюродной сестрой матери царя Михаила Федоровича, Ксении Ивановне, урожденной Шестовой (сер. XVI в. – 1631), в монашестве Марфе (см. родословную схему; Екатерина Андреевна на схеме показана дважды (ее имя дважды выделено пунктирным обрамлением) – как

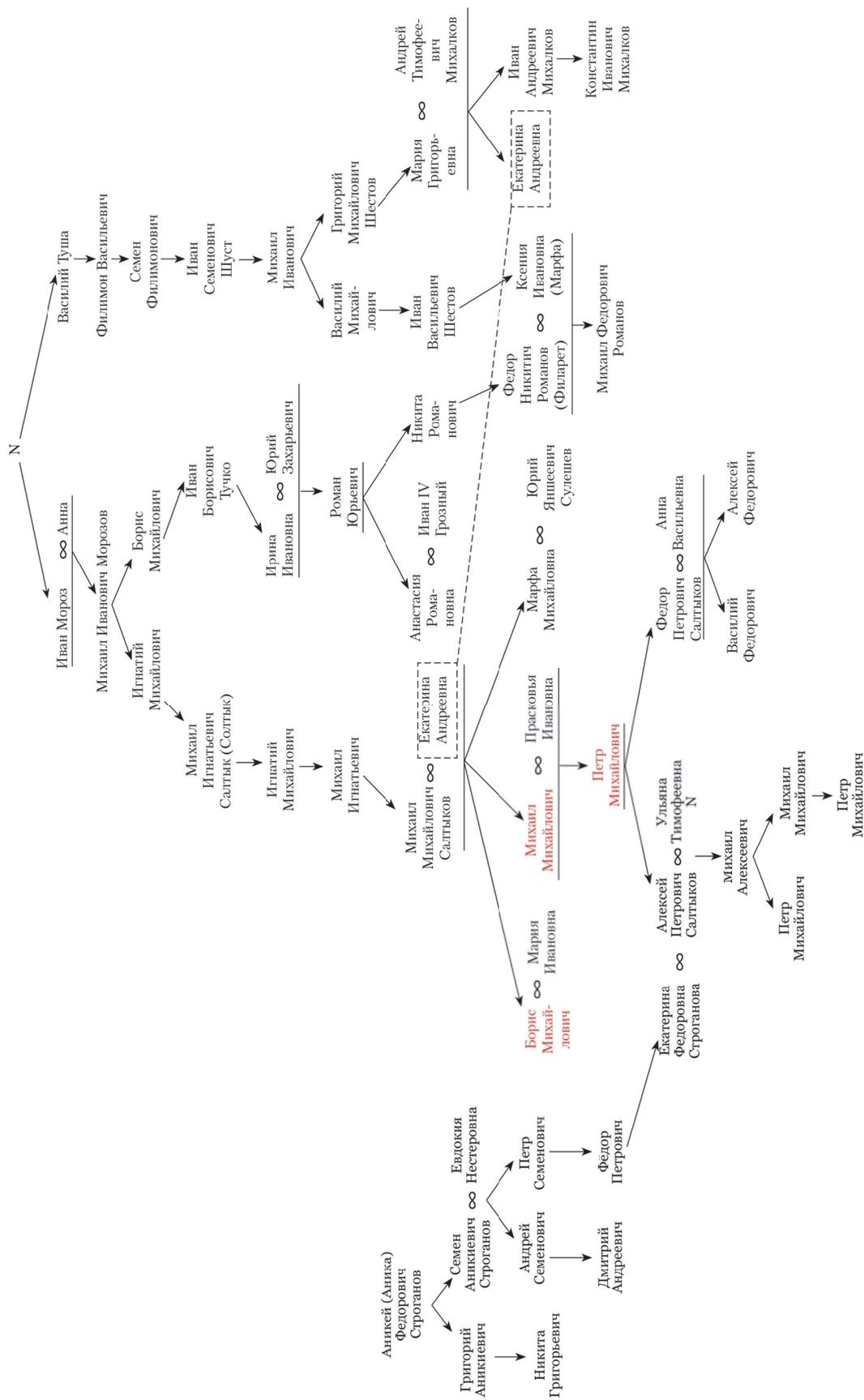
представитель рода Шестовых (на правой стороне схемы) и как жена Михаила Михайловича Салтыкова (старшего) (на левой стороне схемы)). Практически ровесницы, Екатерина и Ксения, видимо, общались с детства, поскольку росли в располагавшихся по соседству друг с другом в Костромской земле своих родовых вотчинах. После воцарения Михаила они, будучи уже обе монахинями, стали особенно близки⁵.

В результате известных событий Смутного времени в конце зимы 1613 г. 16-летний Михаил Романов был избран на вакантный русский престол. У молодого царя, не имевшего никакого управленческого опыта, в разоренной гражданской войной и интервенцией стране, окруженной врагами, с разоренной государственной казной не было ни финансовых, ни даже кадровых ресурсов. Вполне понятно, что в такой ситуации юный царь искал опоры в своем близком окружении. Его отец, Федор Никитич Романов (ок. 1554-1633), в монашестве Филарет, бывший к тому времени митрополитом, с 1611 г. пребывал в плену в Польше, так что поддержать сына не мог. Рядом с юным монархом находилась имевшая на него чрезвычайное влияние его мать, которая после воцарения Михаила стала титуловаться великой старицей инокиней Марфой Ивановной.

Старица Марфа всемерно поддерживала своих родственников Салтыковых и Михалковых. Эти-то родственники, а именно два сына Екатерины Андреевны – Борис Михайлович и Михаил Михайлович (вероятно, 1580-е – 03.10.1671) Салтыковы и ее племянник – Константин Иванович Михалков (2-я пол. XVI в. – вероятно, 1630), вошли в ближний круг царя и заняли влиятельные придворные должности. Все трое приходились царю Михаилу Федоровичу по роду Шестовых четвероюродными братьями (были лет на 10 старше его), скорее всего, общались с ним задолго до его воцарения, т.е. и лично были ему близки.

На представленной в настоящей статье родословной схеме братья Борис и Михаил Салтыковы показаны в мужской ветви их

**Родственные связи
Салтыковых, Романовых, Шестовых, Строгановых**

рода – как сыновья Михаила Михайловича Салтыкова (старшего). Четвероюродными братьями царю Михаилу Федоровичу они приходятся как сыновья Екатерины Андреевны (Евникии). Такое, одновременно двойное, родство имеет место, потому что у родителей братьев Салтыковых был общий предок – неизвестный по имени пращур, обозначенный на схеме буквой «N». По этой причине братья Борис и Михаил Салтыковы и по отцовской линии (Салтыковых) состояли в родстве с Шестовыми, правда, в дальнейшем: приходились восьмиюродными братьями матери царя, Ксении Ивановне (Марфе). По линии Салтыковых они находились в родстве и с отцом царя, Федором Никитичем Романовым (Филаретом): приходились ему шестиюродными братьями. В свою очередь, родители царя между собой тоже были родственниками – восьмиюродными братом и сестрой. Все перечисленные родственные связи прослеживаются по схеме.

Известно, что Борис Михайлович Салтыков являлся сторонником избрания на царство Михаила Романова⁶. Его подпись в Утвержденной грамоте Земского собора 1613 г. об избрании Михаила Федоровича царем стоит в пятой строке справа⁷. Уже с весны 1613 г. Б.М. Салтыков занимал должность главы Приказа Большого дворца, т.е. дворецкого, управлявшего всем царским хозяйством; 6 декабря 1613 г. получил чин боярина, при этом позволил себе местничать с героем Отечества князем Дмитрием Михайловичем Пожарским, унижая его⁸. Михаил Михайлович Салтыков в чине стольника занимал должность кравчего⁹ – служителя при царском столе во время трапезы. Сами должности свидетельствуют о степени близости братьев Салтыковых к царю.

При этом Салтыковы не входили в правительство (в Боярской думе в эти годы оставались бояре, бывшие членами предыдущих составов правительства – времени царя Василия Шуйского и периода Семибоярщины), не участвовали ни в каких военных походах, но состояли именно в ближайшем окружении царя Михаила Федоровича,

были его доверенными лицами¹⁰. Б.М. Салтыков мог влиять на принятие многих исходивших от царя решений.

Братья Салтыковы позволяли себе даже вмешиваться в личную жизнь монарха. Правда, это происходило не без санкции великой старицы Марфы Ивановны. Известно, что в 1616 г. братья Салтыковы оклеветали перед царем выбранную и нареченную его первую невесту Марию Ивановну Хлопову – представили ее больной и неспособной к браку, в результате чего она была выслана в Сибирь, а царский брак расстроился. Успех Салтыковых в столь деликатном деле был гарантирован тем, что они контролировали относившийся к дворцовому ведомству Аптекарский приказ, в ведении которого находились врачи и изготовление лекарственных средств. Ключевой фигурой в дворцовом хозяйстве являлся также постельничий, каковую должность с 1614 г. занимал двоюродный брат братьев Салтыковых – Константин Иванович Михалков¹¹. Постельничий ведал царской спальней, гардеробом, повседневной безопасностью царя, он был и хранителем постельной казны, в которую, скорее всего, входили настольные книги царя, в т.ч. книги медицинского содержания – лечебники, травники. Конечно же, К.И. Михалков также входил в круг ближайших доверенных лиц царя, и Салтыковы управляли Дворцом рука об руку с ним.

Считается, что причиной неблагоприятного поступка Салтыковых в отношении Марии Хлоповой было их опасение по поводу возвышения родни Хлоповой в случае ее брака с царем и умаления роли самих Салтыковых, но в то же время известно, что женильбе Михаила Федоровича на Хлоповой противилась мать царя.

Именно история с Марией Хлоповой явилась опосредованной причиной начала десятилетия спустя литературной деятельности в Самарской крепости.

О покровительстве великой старицы Марфы Ивановны Салтыковым свидетельствует также отписка на них ее вотчин. Так,

имеется запись, датированная 17 сентября 1631 г., о наделении «девки Марьи Михайловны, дочери Михаила Салтыкова» селом Зок(г)зино с деревнями в Андомском стане Костромского уезда – бывшей вотчиной великой старицы Марфы Ивановны¹². По всей видимости, речь идет о завещании матерью царя после своей кончины (умерла в январе 1631 г.) одной из своих вотчин дочери Михаила Михайловича Салтыкова (младшего).

Видное место в истории начала царствования Михаила Федоровича принадлежит также зятю братьев Бориса и Михаила Салтыковых, мужу их младшей сестры, Марфы Михайловны (кон. XVI в. – 1637), – князю Юрию Яншеевичу (Еншеевичу) Сулешеву (Сулешову) (1584-1643) (см. родословную схему). Марфа Михайловна, тезка матери царя по ее монашескому имени, была выдана замуж за князя не позднее 1610 г.¹³

Сын знатного выходца из Крымской орды, князь Ю.Я. Сулешев продвижение по службе начал со стольника при царе Борисе Годунове, значился в числе первых стольников при следующих русских правителях, среди воевод Первого и Второго земских ополчений. Так же, как и его шурины, Борис и Михаил Салтыковы, князь Сулешев участвовал в торжественных мероприятиях в день венчания Михаила Федоровича в Москве на царство 11 июля 1613 г.: во время обеда, данного в Грановитой палате, «смотрел в большой стол»¹⁴.

Но в отличие от братьев Салтыковых князь Сулешев активно участвовал в военных кампаниях первых лет царствования Михаила Федоровича, которые предпринимались против продолжавших разбойничать в стране разного рода самозванцев, казацких отрядов, а также против польско-литовских войск на западном фронте.

Так, в апреле 1614 г. князь Сулешев с князем Н.П. Барятинским в качестве воевод были отправлены в Алатырь собирать служилых людей для помощи основному войску, сформированному для борьбы с атаманом И.М. Заруцким, мятеж которого на Дону и Волге являлся мощным вызовом прави-

тельству Михаила Федоровича. В царском наказе воеводам Сулешеву и Барятинскому о порядке их действий упомянут город Самара как пункт, в который они должны были отправлять разведывательные команды. В этом деле Сулешев должен был взаимодействовать с тогдашним самарским воеводой Д.П. Пожарским-Лопатой¹⁵ (четвероюродный брат князя Д.М. Пожарского). В условиях борьбы с Заруцким Самара действительно приобрела стратегическое значение; самарский воевода Пожарский-Лопата проявлял в этой борьбе большую инициативу¹⁶. В связи с поимкой в июле 1614 г. Заруцкого его же казаками и сдачей его царским властям Сулешеву, видимо, не пришлось принять активного участия в кампании, вряд ли он побывал тогда в Самаре. Подавление мятежа Заруцкого означало установление мира, окончание смуты во всем Поволжском регионе.

2 февраля 1615 г. князь Ю.Я. Сулешев пожалован в бояре¹⁷. В 1615-1616 гг. направлялся для умирения татар и черемисов¹⁸.

К 1617 г. относятся наиболее важные ратные деяния князя Сулешева – на западном направлении, против поляков и литовцев. Правительство Михаила Федоровича предпринимало попытки вернуть Смоленск, сданный полякам в 1611 г. после героической обороны. К 1616 г. русские войска, возглавляемые стольником М.М. Бутурлиным, осаждали город. Против них с осени 1616 г. действовали отряды литовцев под началом А. Гонсевского, перерезавшие дорогу от Смоленска на Москву. В начале 1617 г. царь Михаил Федорович приказал князю Сулешеву возглавить большой полк и идти из Москвы на Дорогобуж на помощь Бутурлину. Сулешев весьма успешно действовал под Дорогобужем зимой и весной 1617 г., захватив много пленных, за что был награжден царем¹⁹, но пробиться к Смоленску не смог.

Как известно, сын польского короля Сигизмунда III (годы правления – 1587-1632) королевич Владислав (будущий польский король Владислав IV в 1632-1648), приглашенный в 1610 г., в разгар Смуты, прави-

тельством Семибоярщины на пустовавший русский престол, не оставил притязаний на русское царство и после избрания в 1613 г. царем Михаила Романова. Для утверждения своей власти в России Владислав 27 марта (6 апреля)²⁰ 1617 г. выступил из Варшавы в поход на Москву. В этой связи военные действия литовцев в районе Смоленска активизировались, в результате чего осада Смоленска со стороны русских войск в мае 1617 г. была снята. В это же время князь Ю.Я. Сулешев получил царский указ уходить с ратными людьми к Москве, снабдив пехотой и запасами крепости Дорогобуж, Вязьму и Можайск, а конницу передать присланным на смену воеводам²¹. Осенью 1617 г. Дорогобуж и Вязьма были заняты польско-литовскими войсками. Летом 1618 г. шли ожесточенные бои под Можайском.

22 сентября (2 октября) 1618 г. армия Владислава подошла к Москве, с юга к русской столице приступили союзные Владиславу запорожские казаки во главе с гетманом П.К. Сагайдачным. В очередной раз на карту была поставлена судьба Русского государства.

Оборона Москвы была поручена 16 боярам, среди которых значились князь Юрий Еншеевич Сулешев и Борис Михайлович Салтыков²²; в числе защитников был и кравчий Михаил Михайлович Салтыков²³ (а также прямой предок автора настоящей статьи – Г.Ф. Жегалов²⁴).

Главной линией обороны защитников Москвы стали стены Белого города. Штурм города был предпринят неприятелем в ночь с 30 сентября (10 октября) на 1 (11) октября. Атака осаждавших у Тверских ворот захлебнулась сразу, у Арбатских ворот ожесточенный бой затянулся до вечера 1 (11) октября. Штурм Москвы провалился. Это означало неудачу всего похода королевича Владислава и крушение его планов на русский престол (хотя официально претензии на русский престол Владислав предъявлял и позднее).

Польское правительство пошло на мирные переговоры, завершившиеся подписанием 1 (11) декабря 1618 г. перемирия меж-

ду Россией и Речью Посполитой на 14,5 лет. Заключенный в деревне Деулино под Троице-Сергиевым монастырем (будущая лавра) договор вошел в историю под названием Деулинского перемирия. Условия договора были для России тяжелыми: Речи Посполитой отходили такие города (с уездами, волостями и их тяглым населением), как Смоленск, Белый, Велиж, Дорогобуж, Красный, Монастыревск, Невель, Новгород-Северский, Попова Гора, Почеп, Рославль, Себеж, Серпейск, Стародуб, Трубчевск, Чернигов и др. Речь Посполитая возвращала России Вязьму, Козельск, Мещовск и Мосальск²⁵. Однако, несмотря на понесенные Россией значительные территориальные потери, Деулинское перемирие положило конец интервенции Речи Посполитой (завершило русско-польскую войну 1609-1618 гг.), Русское государство восстановило свой суверенитет, укрепилось положение новой российской царской династии Романовых.

Одним из главных пунктов Деулинского перемирия, помимо размежевания земель и городов, был обмен пленными. Главным русским пленником в Польше оставался отец царя Михаила Федоровича – митрополит Филарет²⁶. Фигура царского родителя была одним из «козырей» у поляков при ведении мирных переговоров, именно эта фигура обусловила жесткий «торг» в отношении территорий и городов. Тем не менее именно в результате Деулинского перемирия митрополит Филарет смог вернуться в Москву.

С конца зимы 1619 г. началось выполнение условий Деулинского договора: отвод польско-литовских и казачьих войск за обозначенную границу, передача территорий и городов с их жителями и имуществом, обмен пленными.

1 (11) июня 1619 г. в Вязьме в ходе обмена пленными русской стороне был передан митрополит Филарет²⁷. Царь сразу же отправил к отцу справиться о его здоровье «ближних своих бояр князя Юрья Еншина да Бориса Салтыкова з братом» и других²⁸. Примечательно, что в этой записи присутствуют все трое – братья Салтыковы и их

зять князь Юрий Яншеевич Сулешев. 14 (24) июня царь Михаил Федорович торжественно встречал своего отца в Москве. Еще через 10 дней, 24 июня (4 июля), митрополит Филарет был поставлен на вакантный московский патриарший престол; интронизацию в кремлевском Успенском соборе совершил находившийся в то время в Москве патриарх Иерусалимский Феофан.

Правительству Михаила Федоровича ко времени возвращения в Россию Филарета, т.е. за 6 лет работы (1613-1619), удалось сделать немало: стабилизировать политическую обстановку внутри страны, ликвидировав мятежи и укрепив центральную власть, начать пополнять казну, заключить перемирия с внешними врагами, сбить пыл польского королевича в претензиях на русский престол.

С возвращением Филарета начался новый этап в истории царствования Михаила Федоровича. Патриарх Филарет деятельно включился в управление не только церковными, но и государственными делами, фактически стал соправителем сына. Патриарху был усвоен титул Великого государя, который носили только монархи. Так что значение Деулинского перемирия 1618 г. не исчерпывается завершением Смутного времени, реализация договора определила новый этап политической жизни России.

Патриарх Филарет, в частности, ограничил влияние на царя бояр, в первую очередь родственников со стороны матери царя, что напрямую относилось к Салтыковым. Ко времени возвращения Филарета весь «клан Салтыковых»: бояре Б.М. Салтыков и князь Ю.Я. Сулешев, кравчий М.М. Салтыков и постельничий К.И. Михалков – входил в состав Боярской думы²⁹. С приходом к государственному управлению патриарха Филарета злоупотребления Салтыковых были пресечены, отобраны в казну их несправедливо нажитые поместья³⁰.

Настоящая расплата за злоупотребления наступила для братьев Салтыковых в 1623 г., когда отец царя провел дознание по «делу Хлоповой» 1616 г. Клевета Салты-

ковых была раскрыта. Осенью 1623 г. царским указом разжалованные братья были отправлены в северную ссылку³¹, а в апреле 1626 г. назначены воеводами в отдаленные маленькие крепости: Борис Михайлович – в Самару, Михаил Михайлович – в Чебоксары³². В этих крепостях они, некогда всеильные царедворцы, провели семь с половиной лет – вплоть до кончины патриарха Филарета, последовавшей 1 (11) октября 1633 г. При жизни Филарета, который, по выражению современника, «властелен таков был, яко и самому царю бояться его; бояр же и всякого сана царского синклита зело томяше заточенми необратными и иными наказаньями»³³, братья Салтыковы не имели возможности вернуться в Москву.

Амнистированные царем в память почившего отца-патриарха Борис и Михаил Салтыковы возвратились к придворной жизни с января 1634 г., получив прежние чины, вотчины и новые должности.

Самара в период воеводства в ней Б.М. Салтыкова, основанная за 40 лет до того как форпост на юго-восточных границах Русского государства для защиты русских земель от набегов кочевников, представляла собой маленькую деревянную крепость с острогом, одной приходской церковью и двумя монастырями; численность гарнизона доходила до 400 человек. Ни к каким особо значимым историческим событиям тогдашняя Самара не была причастна, за исключением, может быть, того, что в 1610 г. она значилась в списке городов Московского царства, составленном для приглашавшегося на русский престол польского королевича Владислава³⁴, в 1613 г. самарцы упоминались в числе участников осады Смоленска³⁵, в 1614 г. при росписи войска, оборонявшего Москву от возможного прихода ногайцев, были указаны 2 человека детей боярских Самарского города³⁶, да в том же году Самара сыграла не последнюю роль, как об этом говорилось выше, в борьбе с атаманом Заруцким. К сожалению, о самарской деятельности Б.М. Салтыкова на сегодняшний день документальных

сведений практически нет. Известно только, что он принял какое-то участие в судьбе привезенного в Самару в начале 1630-х гг. молодого татарского пленника Атмана, сына убитого мурзы, велел отпустить его, а тот впоследствии стал родоначальником дворянского рода Кейкуатовых³⁷.

Но именно при воеводе Салтыкове, в 1628-1629 гг., в Самару был создан объемный роскошный лицевой рукописный сборник, включающий списки «Повести о Варлааме и Иоасафе» и «Жития Нифонта Констанцкого». Понятно, что книги в Самару были и до того – без книг невозможно совершать богослужения. Однако создание большого лицевого рукописного сборника для пограничного городка, жизнь которого была подчинена военным нуждам, – событие не рядовое.

О времени и месте создания рукописи известно из предисловия к ней: написана в 7137 г. «в богоспасаемом граде Самару». В пересчете на эру от Рождества Христова время создания памятника – с сентября 1628 г. по сентябрь 1629 г. Эту датировку подтвердило исследование филиграней бумаги. Объем самарского кодекса – более 850 страниц. Текст выполнен полууставом XVI в. на бумаге из швейцарского города Базеля в четвертую долю листа. Из предисловия известны имена переписчика – священник Афанасий – и иллюстратора рукописи – «раб Божий Петр». Причем в сборнике выявляются два почерка: один писец выполнил список «Повести...», другой – список «Жития...».

Кодекс содержит 395 прекрасно выполненных цветных иллюстраций: 225 миниатюрами снабжен список «Повести...» и 170 миниатюрами – «Житие...». Среди большого числа русских лицевых списков «Повести о Варлааме и Иоасафе» именно самарский список выделяется наибольшим количеством иллюстраций³⁸, ни один другой список не имеет такого их количества. Образцов для миниатюр самарского сборника специалисты не находят: скорее всего, знаменщик, трудившийся в Самару, сам придумывал иллюстрации для текста.

Большой интерес представляет вопрос, почему для списания в Самару были выбраны именно «Повесть о Варлааме и Иоасафе» и «Житие Нифонта Констанцкого»? Можно отметить, что эти произведения схожи, прежде всего, наличием большого количества притч, в которых выражена христианская догматика, диалогов, наставительных поучений. Создание списков этих произведений могло иметь цель назидательного чтения.

Особый вопрос заключается в том, какие рукописи являлись непосредственными протографами для самарских списков? Как эти протографы оказались в Самару?

И для кого, собственно, были сделаны списки? Только ли для личного пользования делал их заказчик или он заботился и о душеполезном чтении некоего своего окружения? В предисловии к рукописи обращает на себя внимание такая фраза: «А святая эта книга, какой церкви или какой чреде будет поручена, то, пастыри и рабы Господни, читайте, Богу благодарность воздавайте...», из которой можно заключить, что рукопись предполагалось передавать для чтения. Возможно, за этой фразой не стоит другого смысла, кроме как предостережения от того, чтобы книгу, у кого бы она могла оказаться, не утратили. Безусловно, лицевая рукопись была очень ценна, особенно в условиях тогдашней Самары. Но, возможно, фраза несет в себе информацию о предполагаемом публичном чтении текста, например, за трапезой в самарских монастырях или в гарнизоне по традиции чтения за трапезой житий святых. По современному состоянию страниц книги (углы страниц весьма затерты) видно, что книгу листали, читали, ею пользовались.

Если составляющие самарский сборник списки «Повести...» и «Жития...» являются копиями, выполненными с неких протографов, то предисловие самарского переписчика, священника Афанасия, занимающее 8 страниц (оно относится только к списку «Повести...»), – это текст, сочиненный непосредственно этим человеком в Самару в

то время. Т. е. это авторский текст. Он имеет немалые литературные достоинства и также выступает в качестве исторического источника. Поэтому предисловие можно рассматривать как первое (известное на сегодняшний день) литературное произведение Самары. При этом автора предисловия, священника Афанасия, можно считать первым самарским писателем, а знаменщика Петра – первым самарским художником.

Предисловие начинается со слов: «Христос ми да начинает слову Датель и великим даром Дародатель, Той бо есть Святой, и Зиждитель, и Господь, Иже от небытия в бытие вся приведый зиждительным Своим повелением...»; русский перевод: «Христос, Податель [дара] слова и [других] великих даров, да [руководит] мной в этом начинании. Он ведь Святой, и Творец, и Господь, приведший все от небытия в бытие Своим творческим повелением»³⁹. Первое слово в этом тексте – «Христос». Таким образом, именно со слова «Христос» начинается в Самаре традиция литературного творчества. Для самарцев это имеет непреходящее духовное значение.

Каким же образом самарская рукопись связана с Салтыковыми? Помимо того, что ее создание синхронно пребыванию Бориса Михайловича Салтыкова в Самаре в качестве воеводы, в предисловии переписчик несколько раз прямо сообщает о некоем высокопоставленном человеке («благодарочитом муже»), который подвигнул его на создание списка «Повести...». В более ранних публикациях нами была обоснована версия, что речь в данном случае может идти именно о воеводе Борисе Салтыкове, т.е. именно он мог быть заказчиком манускрипта⁴⁰.

В дополнение к этому следует отметить столичный уровень замысла и исполнения предприятия по созданию лицевых списков в Самаре, о чем свидетельствуют объем и качество манускрипта – высокий профессионализм писцов и знаменщика. Явно, что в небольшой пограничной Самарской крепости организовать такое – доставить в Самару протографы, найти профессиональных писцов и художника, разработать замысел

книги, в т. ч. ее иконописную программу, завезти в Самару базельскую бумагу, завезти или организовать на месте производство красок, в т.ч. золотой краски, оборудовать соответствующее место для работы – мог только человек искушенный в книжном деле, человек небедный, влиятельный, обладавший властными полномочиями. Фигура самарского воеводы Бориса Михайловича Салтыкова подходит для этого как нельзя более всего.

Причастность Б.М. Салтыкова к книжной культуре во всяком случае определили его доопальные статус и должность. Дело в том, что, будучи главой дворцового ведомства, он имел непосредственное отношение к книжному делу: возглавляемый им Приказ Большого дворца вместе с патриаршим двором ведал в тот период книгопечатанием в России⁴¹. По долгу службы Салтыков должен был знать справщиков, переписчиков, наборщиков, печатников, знаменщиков Московского печатного двора. Как должностное лицо он участвовал в организации книжной справы, начатой в 1615 г. и продолженной при патриархе Филарете. По мнению историка Б.Н. Морозова, контролировавшие врачебно-медицинскую и аптекарскую сферы деятельности Борис, Михаил Салтыковы и Константин Михалков в 1616 г. могли выступать заказчиками созданного в кремлевских палатах известного лицевого списка с рукописного царского Травника 1534 г. (примечательно, что это происходило в год оклеветания братьями Салтыковыми Марии Хлоповой). Именно как глава дворцового хозяйства Б.М. Салтыков в 1620 г. производил распродажу имущества, в том числе обширной библиотеки, умершего бездетным крупного уральского промышленника и землевладельца Никиты Григорьевича Строганова⁴² (см. родословную схему).

Таким образом, для Б.М. Салтыкова заказ рукописи во время его пребывания в Самаре не являлся чем-то экстраординарным. Если заказчиком действительно выступал он, это происходило в рамках определенной для него традиции, привычного положения вещей.

Но даже если Салтыков не был непосредственным заказчиком самарского манускрипта и мы не знаем, о каком «благонарочитом муже» говорит в предисловии переписчик, то все-таки Борис Михайлович, по всей видимости, рукопись в Самаре приобрел и увез с собой в Москву. Об этом красноречиво свидетельствует имеющаяся на страницах манускрипта скрепа. Она представляет собой несколько слов, расположенных на нижних полях нескольких первых страниц сборника, – на каждой странице по одному слову: «Бояр», «Михайла», «Михайловича», «да Петра», «Михайловича», «Салтыковых» (написание слов в настоящей статье приводится по нормам современного русского языка). Явно, что речь идет о принадлежности книги. В середине XIX в. скрепа прочитывалась таким образом: «Книга принадлежала Боярам Михайле и Петру Михайловичам Салтыковым». Эта фраза является частью надписи на первой чистой странице кодекса. Собственников рукописи, без всяких сомнений, следует идентифицировать как младшего брата Бориса Михайловича – Михаила Михайловича, и сына последнего, т. е. племянника Бориса Михайловича, – Петра Михайловича Салтыкова (нач. XVII в. – 05.07.1690) (см. родословную схему).

Известно, что у Бориса Михайловича не осталось потомков, поэтому после его смерти (1646 г.) рукопись и могла достаться по наследству брату и племяннику, которым действительно перешли все вотчины и все имущество бездетного родственника⁴⁵.

Поскольку оба владельца в скрепе значатся боярами, скрепа должна была быть сделана в период между получением боярского чина Петром Михайловичем в 1658 г.⁴⁴ (его отец стал боярином в 1641 г.⁴⁵) и кончиной в 1671 г. Михаила Михайловича, т. е. примерно в 1660-е гг.

Михаил Михайлович, Петр Михайлович, их потомки продолжали проявлять интерес к книгам и в дальнейшем. Известно о принадлежности М.М. и П.М. Салтыковым двух неиллюстрированных рукописных житий (Варлаама Хутынского и Иосифа Волоц-

кого), о покупках ими книг, издававшихся Московским печатным двором, напротив которого, на Никольской улице, у Салтыковых с 1630-х гг. была усадьба. Одному из сыновей Петра Михайловича, Алексею Петровичу Салтыкову (сер. XVII в. – после 1724), принадлежал рукописный лицевой Травник Строгановых-Шелонина, современный созданию самарской рукописи. Травник перешел А.П. Салтыкову, по всей видимости, от первой жены, Екатерины Федоровны, урожденной Строгановой (Никита Григорьевич Строганов, распродажу библиотеки которого контролировал Б.М. Салтыков, был двоюродным братом деда Екатерины Федоровны – см. родословную схему). Известно о многочисленных книжных вкладах Салтыковых в монастыри, в частности, в костромской Богоявленский монастырь, крипта соборного храма которого являлась их родовой усыпальницей начиная с Михаила Михайловича (старшего) (ум. в 1608 г.). В этот монастырь книги вкладывали все упоминавшиеся в настоящей статье Салтыковы, а также внуки Петра Михайловича – Василий и Алексей Федоровичи Салтыковы (см. родословную схему) и их потомки. Известна запись о вкладе Минеи М.М. Салтыковым (младшим) на помин родителей, в которой при перечислении почивших родственников вкладчика первой записана великая старица Марфа Ивановна, что лишний раз показывает близость Салтыковых матери царя Михаила Федоровича⁴⁶.

Таким образом, если создание самарской рукописи напрямую связывать с Борисом Михайловичем Салтыковым, то следует отметить, что Самаре с этим воеводой повезло: появление такого значительного в истории города памятника было обусловлено возможностями, влиянием и опытом Б.М. Салтыкова, человека незаурядного, образованного, которого определенно можно назвать ценителем книг. С создания в Самаре этого манускрипта берет начало местная книжная культура.

В середине XIX в. самарскую рукопись по праву оценил и приобрел известный соби-

ратель древностей, в т.ч. старообрядческих книг, князь Павел Петрович Вяземский. Рукопись вошла в собрание созданного им Общества любителей древней письменности. С 1932 г. самарский манускрипт хранится в собрании Отдела рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (шифр хранения – ОЛДП. Q. XVII). С созданием в конце 2016 г. в Российской национальной библиотеке интернет-ресурса «Книжное сокровище древней Самары», на котором в электронном виде представлены вся рукопись, транслитерация текста и научное описание памятника, первая книга Самары введена в широкий научный оборот⁴⁷. С тех пор название «Самарская рукопись» стало именем собственным.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Муравьев А.В., Турилов А.А., Квливидзе Н.В. Варлаам и Иоасаф // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 622-623.
- ² Лебедева И.Н. Повесть о Варлааме и Иоасафе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 349-352.
- ³ Феофан (Говоров), епископ. Собрание писем. М., 2000^р. Вып. 7. С. 166.
- ⁴ Иванов С.А., Полетаева Е.А. Нифонт Константинопольский // Православная энциклопедия. М., 2018. Т. 51. С. 259-261.
- ⁵ Подробнее о происхождении Салтыковых, их родственных связях, влиянии при дворе Михаила Федоровича см.: Макаров А.И. Представители боярского рода Салтыковых и самарский список «Повести о Варлааме и Иоасафе» (1628-1629 г.). Ч. 1 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2012. № 3 (49). С. 86-97; Ч. 2 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2012. № 4 (50). С. 47-63.
- ⁶ Арсеньевские шведские бумаги. М., 1913. Ч. 1. С. 26.
- ⁷ Скрынников Р.Г. Михаил Романов. М., 2005. С. 187.
- ⁸ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 120.
- ⁹ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113-7121 гг.). М., 1907. С. 111, 128, 168.
- ¹⁰ Морозова Л.Е. Окружение царя Михаила Федоровича в первые годы его правления // Деулинское перемирие 1618 г.: взгляд через четыре столетия. Материалы конференции, посвященной 400-летию Деулинского перемирия. Москва, 11 декабря 2018 г. М., 2018. С. 65-67. Автор статьи ошибается в отношении степени родства братьев Салтыковых с царем Михаилом Федоровичем, отмечая, что они были двоюродными братьями, на самом деле – четвероюродными.

- ¹¹ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 132.
- ¹² Холмогоров В., Холмогоров Г. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. М., 1912. Вып. 5. С. 20-21.
- ¹³ Щербачев О.В. О родстве Салтыковых с Михаилом Федоровичем Романовым // Летопись историко-родословного общества в Москве. М., 1995. Вып. 3 (47). С. 63.
- ¹⁴ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 99; Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113-7121 гг.). М., 1907. С. 111, 128, 168.
- ¹⁵ Разрядные книги 1598-1638 гг. М., 1974. С. 269-273.
- ¹⁶ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М., 2000. С. 43-47.
- ¹⁷ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 170.
- ¹⁸ Там же. Стб. 205.
- ¹⁹ Там же. Стб. 261-266, 273-275.
- ²⁰ В скобках приводятся даты по Григорианскому календарю (по «новому стилю»).
- ²¹ Курбатов О.А. Военная история русской Смуты начала XVII века. М., 2014. С. 202.
- ²² Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 356.
- ²³ Там же. Стб. 357.
- ²⁴ Для автора настоящей статьи, уроженца Самары, почти полтора десятилетия занимающегося изучением самарской рукописи, было удивительно обнаружить, что его прямой предок, Гавриил Фадеевич Жегалов (кон. XVI в. – после 1639), участвовал в обороне Москвы осенью 1618 г. – вместе с Б.М. и М.М. Салтыковыми, Ю.Я. Сулешевым. Вместе с ними Г.Ф. Жегалов значится в так называемом Осадном списке (Списке осадных сидельцев) – перечне защитников Москвы 1618 г., который был составлен для награждения защитников вотчинами. По всей видимости, именно тогда Жегаловы получили имение в Вяземском уезде, в верховьях Днепра, которым они владели вплоть до революционных событий начала XX в. В отношении Бориса Михайловича Салтыкова известно, что «за Московское осадное сиденье» в приход королевича Владислава под Москву в 1618 г. ему была дана жалованная грамота на вотчины в различных уездах, в т.ч. в Звенигородском уезде на село Козино (РГАДА. Ф. 233. Кн. 669. Л. 71). Еще удивительнее было обнаружить свойство Салтыковых через Энгельгардтов с Жегаловыми: в середине XIX в. прямой потомок и полный тезка владельца самарской рукописи Михаила Михайловича Салтыкова (о владении Салтыковыми рукописью будет сказано ниже), Михаил Михайлович Салтыков, женился на Юлии Евгеньевне Боратынской (дочери поэта Е.А. Боратынского), восьмьюродной сестре прадеда (Михаила Михайловича Жегалова) автора этих строк. Так что события 400-летней давности, история самарской

- рукописи для автора настоящей статьи — это настоящая живая связь поколений и эпох.
- ²⁵ Деулинское перемирие 1618 // Большая Российская энциклопедия. М., 2007. Т. VIII. С. 605-606.
- ²⁶ Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 374.
- ²⁷ Там же. Стб. 391.
- ²⁸ Там же. Стб. 393; Разрядная книга 1550-1636 гг. М., 1976. Вып. 2. С. 321.
- ²⁹ Правящая элита русского государства IX – начала XVIII веков. СПб., 2006. С. 313.
- ³⁰ Скрынников Р.Г. Михаил Романов. М., 2005. С. 232.
- ³¹ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1822. Т. 3. С. 257-267.
- ³² Разрядная книга 1550-1636 гг. М., 1976. Вып. 2. С. 339-340; ср.: Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. 1. Стб. 740-741.
- ³³ Хронограф митр. Пахомия (1639 г.). Цит. по: Тальберг Н. История русской Церкви. Изд. Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994. Т. 1. С. 329.
- ³⁴ Елишин А. Г. Самарская хронология. Вып. 1. Самара, 1918. С. 8.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Разрядные книги 1598-1638 гг. М., 1974. С. 290.
- ³⁷ Акинъшин А., Литвинова Т. Татарские князья Кейкуатовы в Воронеже // Генеалогический вестник. 2001. № 4. С. 49.
- ³⁸ Муравьев А.В., Турилов А.А., Квливидзе Н.В. Варлаам и Иоасаф // Православная энциклопедия. М., 2003. Т. 6. С. 625.
- ³⁹ Предисловие издано отдельной брошюрой: Первое литературное произведение Самары / Публ., транслит., пер., коммент. А.И. Макарова. М., 2016.
- ⁴⁰ Макаров А.И. Представители боярского рода Салтыковых и самарский список «Повести о Варлааме и Иоасафе» (1628-1629 гг.). Ч. 2 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2012. № 4 (50). С. 53-54.
- ⁴¹ Рогов А.И. Книгопечатание // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 2. стр.159-162.
- ⁴² Подробно обзор деятельности Салтыковых, связанной с книгами, см. в статье: Макаров А.И. Бояре Салтыковы в истории и книжной культуре России XVII века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики (в печати).
- ⁴³ Макаров А.И. Представители боярского рода Салтыковых и самарский список «Повести о Варлааме и Иоасафе» (1628-1629 гг.). Ч. 2 // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2012. № 4 (50). С. 57, 59-60.
- ⁴⁴ Боярская книга 1658 г. М., 2004. С. 15; Poe M.T. The Russian elite in the seventeenth century. Helsinki, 2004. Vol. 1. P. 182.
- ⁴⁵ Боярская книга 1639 г. М., 1999. С. 22; Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Кол. 650; Записные книги Московского стола // Русская историческая библиотека. СПб., 1886. Т. 10. С. 259.
- ⁴⁶ Подробнее см.: Макаров А.И. Бояре Салтыковы в истории и книжной культуре России XVII века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики (в печати).
- ⁴⁷ Книжное сокровище древней Самары URL: http://expositions.nlr.ru/ex_manus/samara/ (дата обращения 15.04.2020).

HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXTS OF THE ORIGIN OF BOOK CULTURE IN SAMARA (TO THE 390th ANNIVERSARY OF THE SAMARA MANUSCRIPT)

© 2020 A.I. Makarov

Publishing house «Pashkov House» of the Russian State Library, Moscow

The article is devoted to the circumstances of the creation in Samara in 1628-1629 of the most interesting literary monument: the illuminated manuscript collection including the lists of «The Story of Barlaam and Joasaph» and «The Life of Niphont of Constance». In the millennial manuscript tradition of these works of Church writing, the Samara lists represent unique examples. The appearance of the manuscript was connected with the events of the end of the Time of Troubles in Russia: the implementation of the Deulin armistice of 1618, as well as with the court conflicts of the first years of the reign of Tsar Mikhail Fedorovich, with the boyars of Saltykov. The creation of the Samara manuscript marked the birth of book culture in Samara – an event that is now 390 years old.

Keywords: Samara manuscript, time of Troubles, Deulin armistice, the boyars of Saltykov, Samara, book culture.

DOI: 10.37313/2658-4816-2020-2-2-3-15